

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

БОГОДУЛ

Пьеса в одном действии.

г. Екатеринбург
2020 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОНА

ОН

**ОНИ – поляки, немцы, негры и всякие
другие разные люди.**

На турецком пляже.

Турция. Побережье. Залив. Справа и слева горы, они защищают от ветра пляж, и потому тут на пляже тепло, ветра нет. Народ лежит, загорают, купается.
А эти двое – ОН и ОНА в сторону ото всех, на пригорочке расположились.
Легли на пластмассовые лежаки, лежат и лежат.
Лежат.
Разговаривают.

ОНА. Мы зачем приехали сюда, в Турцию?

ОН. Зачем?

ОНА. Ну вот зачем ты приехал?

ОН. Ну, зачем?

ОНА. Да что с тобой говорить. С утра набубенится пива и спит. Ты – богодул, понимаешь?

ОН. Это кто?

ОНА. Это – то. Тот, кто пьет без конца и Бога хулит.

ОН. И что?

ОНА. И то.

ОН. Дак что?

ОНА. Бесполезно с тобой разговаривать.

ОН. А что?

ОНА. Мы приехали смотреть природу.

ОН. Смотри.

ОНА. Мы приехали дышать воздухом.

ОН. Дыши.

ОНА. Мы приехали принимать солнечные ванны!

ОН. Принимай.

ОНА. Мы приехали познавать страну!

ОН. Познавай.

ОНА. Это называется страноведение! И мы должны привезти много впечатлений!

ОН. Привози.

ОНА. Мы должны набраться впечатлений на целый год!

ОН. Набирайся.

ОНА. Мы должны все экскурсии посетить!

ОН. Нет денег.

ОНА. Почему мы тут в тени?

ОН. Потому.

ОНА. Почему?!

ОН. Там на пляже, где солнце, места для нас нет.

ОНА. Потому что ты спал до обеда и разобрали все лежаки! Понимаешь, Эдик?!

ОН. Ложись с вечера на лежаки, Люся.

ОНА. Ты не способен на поступки!

ОН. Не способен.

ОНА. Мы должны как следует загореть!

ОН. Некому мне загар показывать.

ОНА. Зачем ты сюда поехал?

ОН. Ты позвала.

ОНА. А зачем я тебя позвала?

ОН. Не знаю.

ОНА. А если бы я тебя, скажем, не позвала?

ОН. Не поехал бы.

ОНА. Перевернись на живот. Сгорит скоро пузо.

ОН. Ты же говоришь, тут солнца нет.

ОНА. Как раз в тени самое страшное солнце, Эдуард!

ОН. Я пятьдесят лет Эдуард.

ОНА. Я про солнце! Так нам говорили еще в автобусе, когда мы ехали из аэропорта.

ОН. Я не слышал.

ОНА. Положи полотенце мокрое на лицо, голова будет болеть.

ОН. Не будет.

ОНА. Сгорит пузо скоро, что я с тобой делать буду?

ОН. Пусть сгорит.

ОНА. Температура поднимется, ты заболеешь, еще помрешь, я тебя как отсюда вывезу?

ОН. Тут оставь.

ОНА. Как я тебя оставлю?

ОН. Так. Будет тебе хоть раз в жизни вот это самое - обломинго.

ОНА. А кто тут будет ухаживать за могилкой твоей?

ОН. Никто.

ОНА. Ты пьяный с утра до ночи, Эдик!

ОН. И что?

ОНА. Ты всё время пьешь!

ОН. И что такого? На халяву. Инклюзив. За всё уплочено.

ОНА. Заплачено, надо говорить!

ОН. Заплачено, говорю.

ОНА. Эдик, хватит!

ОН. Не хватит.

ОНА. Мне стыдно, на нас смотрят.

ОН. Кому мы нужны.

ОНА. Вон, поляки прошли и что-то сказали.

ОН. Ты польский знаешь?

ОНА. Нет, но наверняка что-то они сказали про нас.

ОН. Ну, не про меня.

ОНА. А про кого?

ОН. Не знаю.

ОНА. Про меня, значит?

ОН. Может.

ОНА. Что они могут про меня сказать?

ОН. Не знаю. Сама придумай.

ОНА. Они сказали, что я толстая? Ты это хочешь сказать?

ОН. Может.

ОНА. Тебе не стыдно?

ОН. Стыдно.

ОНА. Свинья. Свинья самая настоящая. Ты сам как боров. Жирный кабан.

ОН. Да.

ОНА. Они не могли так сказать про меня!

ОН. Ну, хорош мне мозги жрать, Люся! Помолчи! Я отдыхаю. Хватит.

Молчание.

Она плачет.

ОНА. Я не жру тебе мозги. Давай разговаривать про хорошее. Хватит ругаться.

ОН. Я и не ругаюсь.

ОНА. Ругаешься. Ты первый начинаешь.

ОН. Что?

ОНА. Пить с утра!

Он сел, сидит, трет грудь, смотрит вокруг.

ОН. Нет, это всё не для русских людей. Вот это вот тепло и эти пальмы не для нас, нет. Нам всё это не подходит, понимаешь? У нас кровь другая. Ну, вот что бы русский человек делал тут, в тепле? Работать не охота. Не подгоняет сзади нас мороз, не щиплет за жопу. Расслабуха сразу такая. Хочется лечь и лежать. Ну, как работать в тепле? В тепле нельзя работать. Тебе же надо согреться всегда там, у нас. И тогда ты машешь руками, топчешь ногами, лопатой землю кидаешь, дрова рубишь, пилишь, едешь, буксуешь, лед рубишь. А тут – что? Никаких тебе препятствий, чтобы выжить. Всё уже есть. Возьми вон, нарви этих апельсинов или что там за говно висит на ветках – нарви с дерева легохонько, без труда. С ведерко всего нарви, брось в бочку, дрожжей добавь, сахару – и завтра к утру у тебя бражка будет. И ты начнешь ее под апельсиновым деревом под этим хлебать. Нахлебался, уснул. Проснулся – ты не простыл. Это в России – ну, усни-ка на морозе? Вот так. А тут – уснул, встал, к бочке с кружкой подполз, зачерпнул, выдул и снова спи. Нет, тут жить нельзя. Нельзя нам никак. Нам препятствия нужны. Всем можно тут жить. Но русскому человеку тут жить нельзя. Запрещено.

Молчание.

ОНА. Пьяный разговор.

ОН. Пьяный, да. Люся, это философия русского человека, когда он в тепле.

ОНА. Тебе нельзя солёное.

ОН. Я знаю. Я не ем солёное.

ОНА. Нет, ты не понял. Тебе нельзя солёное, нельзя сало и помидоры. А ты ешь их.

ОН. Я не ем солёное.

ОНА. Надо просто всё солёное исключить из рациона.

ОН. Да черт побери, я тебе сказал, что я не ем солёное!

ОНА. Что ты сердишься? Я тебе сказала: прекращай жрать солёное, у тебя ноги от этого отнимаются.

ОН. Хватит. Я не ем солёное.

Молчание.

ОНА. И еще я хотела тебе сказать ...

ОН. Я знаю: кофе и сигареты!

ОНА. Да. И солёное.

ОН. Да хватит уже, я сказал?!

ОНА. Нельзя ни в коем случае людям, у которых проблемы с венами на ногах - солёное, кофе и сигареты. И курить надо бросать, понимаешь.

ОН. Я бросаю.

ОНА. Просто вот брось курить и всё.

ОН. Я понял. Замолчи.

ОНА. Я тебе из лучших побуждений советую: солёное, сигареты, курение, то есть. И еще: сало и всякое такое и еще кофе – просто надо выкинуть за дверь.

ОН. Господи! Замолчи, я тебя убью сейчас.

ОНА. Дак, а что - убью? Что значит: убью? Надо ведь что-то делать с солёным.

ОН. Боже, за что мне эти муки?!

Молчание.

ОНА. Ну, не молчи теперь, раз тебя прорвало. Давай разговаривать.

ОН. Давай.

ОНА. О чем мы будем разговаривать?

ОН. Не знаю.

ОНА. Нам надо о чем-то увлеченно разговаривать. Чтобы люди, которые идут мимо, думали бы: ах, какая пара! Видал, немцы прошли? Они даже не посмотрели на нас.

ОН. А что им смотреть?

ОНА. А вот негры идут. Надо, чтобы и негры думали: надо же, из России, а какая пара прекрасная, говорят, беседуют, поддерживают друг друга!

ОН. Зачем?

ОНА. Так.

ОН. Тебе не всё ли равно?

ОНА. Я сейчас найду тему, и ты будешь весело и радостно говорить со мной и даже

спорить. И мы будем походить на счастливых людей.

ОН. Отстань. Я сплю.

ОНА. Сейчас проснешься.

ОН. Нет, не проснись, хоть что ты говори.

ОНА. Ну, хорошо. Сам напросился. Не обижайся теперь. И так! Эдик, однажды у нас дома, в России...

ОН. Ты можешь хоть на отдыхе, хоть тут, хоть в Турции, хоть на солнце, хоть под пальмами забыть про всё?! Про ту жизнь, про все те дела! Там – 15 градусов мороза, тут – 35 тепла! Мы в другом мире, мы в другом измерении, мы – всё другое! Какого черта ты балабонишь и балабонишь, Люся?!

Вдруг стало темно, тучка набежала на небо.

И снова светло.

ОНА. Ага. Ты боишься. Ты знаешь, о чем я скажу, чтобы тебя растеребенькать. И ты уже - сел, сидишь, да? Чего ты испугался?

ОН. Солнце ушло, что ли? У меня, правда, живот стал черный. И я как-то похудел тут, что ли? И ты как-то изменилась, нет? Люся ... Послушай ... А что это все собрались, и встали, и смотрят на нас?

ОНА. Очень хорошо. Они слушают. И нормально. И прекрасно.

И правда: возле лежака, на котором Люся и Эдик лежали, встали немцы, поляки, негры.

Встали и смотрят на них.

ОН. Это что такое?

ОНА. Пусть люди послушают. Нормально.

ОН. Они же не понимают по нашему?

ОНА. Поймут. Чего ты испугался?

ОН. Того, что ты так и хочешь испортить мне отпуск.

ПОЛЯК. Это неправда. Не ври. Люся не такая. Не ври, сказал!

ОН. Что?

ОНА. Люди правду говорят, вот что!

ОН. Мы зачем ехали за пять тысяч километров со своего Норильска? Чтобы ты тут мне портила настроение, пилила бы меня и подначивала всяко-разно?

ПОЛЬКА. А ты не пей.

ОН. А ты что лезешь, коза драная, фуфло покрашенное?

ОНА. Я не хочу тебе испортить отдых. Но когда-то же надо нам с тобой об этом поговорить.

ОН. О чем?!

ОНА. О том. Ты же знаешь.

ОН. Нет.

ОНА. Эдик! Я знаю всё про твои измены.

ОН. Мы тысячу раз говорили об этом, Люся.

НЕГР. Он врет, Людмила Петровна. Вы никогда не говорили об этом.

ОН. Заткнись, ты ... Это что такое? Почему тут эти негры разговаривают?!

НЕГРИТЯНКА. Расист проклятый. Мало того, что изменщик, он еще и на негров нападает. Не негры мы, а афроамериканцы! Понял?!

ОН. Так, хватит. Мы тысячу раз говорили об этом, Людмила Петровна. Нет и не было никаких измен. Я старый, лысый, страшный, у меня вон – пузо, видишь?! Мне давно ничего не надо! Мне пятьдесят лет!

НЕГРИТЯНКА. Но когда-то ведь надо было?

ОН. Молчать, сказано, афроамериканка долбюная! Сто лет назад надо было! Я хочу отдыхать! Отстань от меня ты, черная, тоже ... Или я её сейчас утоплю в этом чертовом океане ... Или я не знаю, что я с ней сделаю!

НЕМЕЦ. Это Средиземное море. Географию учить надо. Нашел море.

ОН. Хватит! Я утоплю ее в этой луже! А потом закопаю ее в песок, сяду в такси, приеду в аэропорт, улечу домой и дома скажу, что она уехала с молодым негром в Аргентину и что я ничего не знаю о её судьбе – где она и что она! Вот так!

НЕГР. Людмила Петровна, да он просто изверг. Как вы с ним живете? Вы слышите? Но я рад, что он отдает мне вас. Он ведь говорит об этом так вот, виртуально, как если бы было хорошо, если бы ты уехала с негром в Аргентину. Мы на «ты» ведь, Люся, да? Ну вот. Уедем. Он ведь не знает ничего о нашей связи и потому, пойдемте, пошлите, айдайте, у меня уже билеты на самолет куплены, и белые штаны на мне, и белые туфли ...

ОНА. Джон, а кабриолет встретит нас там, в Буэнос-Айресе, конечно же?

НЕГР. Ну, конечно же, он уже ждет же же, о чем вы спрашиваете же, Людмила Петровна, о чем ты спрашиваешь, Людочка, зая моя?

ОНА. И ужин в ресторане с видом на Рио-де-Жанейро будет?

НЕГР. Нет, Рио-де-Жанейро в другом месте, зая. Мы поедем в Буэнос-Айрес.

ОНА. А, да, я забыла, Джонни, прости.

ОН. Это что такое? Ты куда собралась?!

НЕГР. Туда.

НЕГРИТЯНКА. Джонни, я не понимаю? Что ты опять выдумал? Какая Людмила Петровна? Она же русская? Ты же знаешь, что все эти русские бабы – они грязнули и ленивые! Ну-ка, не двигаться!

НЕГР. Это ложь! Они чистюли и работяги!

ОНА. Неправда! То есть, да – мы чистюли и работяги!

НЕГРИТЯНКА. Помолчи, ты, жирняга!

ОНА. Джонни, что она говорит?! Я разве толстая?

НЕГР. Ты не толстая! Ты в теле! У тебя кость широкая!

НЕГРИТЯНКА. Джонни, ты представляешь, он придет домой и скажет там дочери и зятю, и куме, и золовке – я все время забываю эти их русские названия родственников – это какой-то русский бред ... Так вот! Он скажет дочери Тане, что мама ихняя уехала с негром в Аргентину! Ты представляешь, как Таня будет плакать?

ОН. Ну-ка, заткнитесь все! Это что за бред?!

НЕМЕЦ. Ну, как мы заткнемся? Ведь это правда. А внуки? А Маша и Петя? Они ведь ждут бабушку и дедушку? Они ведь ждут вас с подарками. Ферштеен?

НЕМКА. Да. А подарков никаких. Как это понимать? Ноу презент.

ПОЛЯК. Вы представляете, как внуки будут плакать? Нияких подарунков!

ПОЛЬКА. Вы вообще думаете о вашем потомстве, Эдуард Сергеевич?

ОН. Слушайте, вы - кто? Вам тут что – театр? Вы что встали тут и говорите все на русском? Вы что лезете в нашу личную-преличную жизнь?

НЕГР. Я - негр Джонни. Я будущий муж вашей Людмилы Петровны.

ОН. Чего?!

НЕГРИТЯНКА. Я – негритянка Сара. А это поляки – Гражина и Марек. А это немцы – Марал и Дитрих.

ОН. И что мне теперь делать?

ОНА. Как - что? Мы с Джоном уедем, а ты останешься. А они все вот - поедут с нами.

НЕГРИТЯНКА. Да. Сейчас очень модно иметь прислугу поляков и немцев.

ПОЛЯК. Нет, негров.

НЕГР. Нет, немцев – очень экзотично!

ОН. Заткнитесь!

ПОЛЬКА. Как мы заткнемся?

НЕГР. Люся, собирайся, мы едем в аэропорт. У меня белые штаны и белые ботинки. А там – кабриолет в Рио-де-Жанейро.

ОНА. Да, и пусть плачет Таня, пусть плачут Маша и Петя, и пусть плачет весь заснеженный Норильск, но я сделаю это сейчас с ним, если ты не замолчишь!

ОН. Да я молчу вообще. Это вот всей этой братии, непонятно откуда взявшейся, надо замолкнуть!

ОНА. О, как тебя задело, как ты разговорился!

НЕГРИТЯНКА. Значит, было? Если ты вскочил и бегаешь тут по пляжу и орешь?!

ПОЛЬКА. И люди даже на вас оглядываются, останавливаются! И от испуга начинают даже вон – поляки, немцы и негры! – начинают говорить по-русски!

ОН. Да черт побери! Пусть смотрят и слушают все эти немцы и все эти польки и все эти негры! Пусть слушают вьетнамцы, и корейцы, китайцы, и весь мир, черт побери! Пусть кто хочет - пусть все услышат, что я тут говорю, пусть услышат и поймут, и пусть увезут в свою страну мою речь пламенную! Пусть все знают, что я собираюсь сделать с тобой!

ОНА. Что?!

ОН. Убью вот сейчас и закопаю в песок!

ОНА. Эдик, пока. До свидания. Потом убьешь. Я поехала в аэропорт.

ОН. Стоять! Стоять, сказал?!

НЕГР. Что, Эдик, очко-то – жим-жим? Ах ты, штрибан ты долбанный

ОН. Это что за слово такое?

НЕМКА. Эх, ты! Штрибан – значит: старикан по-русски. Не знал?

ОН. Не знаю я такого русского языка. Отдайте мне мою жену, сказал!

НЕМЕЦ. Фиг тебе. Не получишь теперь ее. Штрибан. Как есть – самый настоящий штрибан ты и есть!

Все хором кричат: «Штри-бан! Штри-бан!».

НЕГР. Харым-бада-да-да. Ду-дра-дан-керда.

НЕГРИТЯНКА. Правильно, Джонни! Кам-бысад барбуд кембардым какрам барак!

НЕМКА. Штрай майн вайс байн! Нибрайт усвеген дарт!

НЕМЕЦ. Ганс бендер видер майт хруст дадуст!

ПОЛЬКА. Пшепан пшеденшь пешмешь дышшышло!

ПОЛЯК. Пошт мешт вещь душть рышть кушть!

Молчание.

ОН. Да пошли вы на хер, суки поганные! Какого хера вы ко мне привязались?! Да заткнитесь вы! Вы откуда повылазили-то? Суки вонючие! Капиталюги долбанные! Пошли вон, сказал?!

ОНА. Откуда надо они повылазили, понял? Не трогай моих друзей, штрибанюга!

ОН. С каких пор все эти твари – негры, поляки и немцы стали тебе друзьями?! Они враги России самые настоящие! Куда ты в пекло к дьяволу собралась, дура старая?! Они из тебя мыла душистого наварят! Или нет – из тебя только хозяйственного наварят!

ОНА. Хорошо. Раз ты так кричишь, что уже весь пляж подтянулся, вон какая толпа раз собралась, то я скажу для всех, пусть все слышат меня!

Она взбежала на пригорочек, стоит, руками машет, пытается крикнуть, он ее перебивает.

ОН. Они ничего такого от тебя не услышат! Они не понимают по-русски! Ты слышишь, что они балабонят?! Люди, вы не понимаете по-русски? Правильно я говорю? Ну, поддержите меня, скажите этой старой дуре, что я прав сто раз, тысячу раз прав!

НЕМЦЫ. Найн!

НЕГРЫ. Ноу!

ПОЛЯКИ. Не вежати!

ОНА. Послушайте, люди мои дорогие, вся земля моя родная, от экватора до экватора! Мы живем в Норильске! Знаете, что это такое? Это диагноз смерти, это вообще – смерть! Кто там живет, то в цирке не смеется, понимаете? У нас два месяца холодно, а остальное зима. Мы заледенели там не только физически, но и морально. Мы не живем, а выживаем! И вы понимаете, как нам важно при такой жизни, при таких погодных условиях, чтобы мы были хотя бы в тепле в домашнем, хотя бы в семейном кругу чтобы было тепло, понимаете?

ВСЕ. Понимаем! Понимаем! Понимаем!

НЕМКА. Что ты нам объясняешь, мы знаем! Мы за феминизм!

НЕГРИТЯНКА. Но эта сволочь Эдик не понимает. Он против феминизма и негров! Так?

ОНА. Так, ты права, Сара. Он врет, что он лысый, пузатый и старый, и что ничего не может в своем возрасте. Всё он может. Иной раз как начнет приставать, перед детьми стыдно!

НЕМЕЦ. Он перед детьми к тебе пристаёт?

ОНА. Нет, обычно, когда никого дома нету ... Это правда, врать тут не стану!

ОН. Да я сто лет к тебе не приставал!

ОНА. Так вот, слушайте не его, а меня! И вот что я еще скажу: вот именно такие лысые чревоугодники бегают обычно по девкам молодым! А что им надо, девкам этим молодым?

ПОЛЬКА. Секса!

ОНА. Нет!

НЕГРИТЯНКА. Ласки!

ОНА. Нет!

НЕМКА. А что?

ОНА. Денег им надо, денег им от него надо!

НЕГРИТЯНКА. А мы и не знали! Неужели?! Правда?!

ОНА. Так вот, знайте. Я просвещу всю землю от экватора до экватора.

НЕМЕЦ. Тебе надо выступить по телевизору и рассказать это всем людям!

НЕГР. Правильно, давай ее толкнем на сизэнэн!

ПОЛЯК. Нет, лучше на полсат!

НЕМЕЦ. Нет, давай на цэдээф!

ОНА. Я готова и на Россия-24 выступить, а мне-то что? Так вот, товарищи! Девкам этим денег надо! А он себя, видите, как выставляет? Он ведь тут не в шортах на пляже, как все парни тут, даже парни молодые тут в шортах, а он тут - в плавках!

ОН. Да при чем тут это?! Я думал, так надо на пляже! Я в первый раз на пляже за границей!

ОНА. Да, я всегда хотела уехать с негром в Аргентину, подальше от этой страны, от этих людей, от всего этого! То есть, с афроамериканцем, прости, Джонни, я по привычке вас неграми называю ...

ОН. Подальше от меня, да? Ты ведь божилась мне в любви ... Мы с тобой с восьмого класса дружили, ну, как тебе не стыдно? Ты врала все мне всегда, да?

ОНА. Врала, да, врала!

ОН. Вот на кого пальцем тыкать надо! Прожила всю жизнь в своих извращенных сексуальных переживаниях! Ну и иди к черту! Я пошел!

ОНА. Куда ты собрался?

ОН. Штаны одеваю, раз ты меня застыдили!

ОНА. Хоть одевай, хоть надевай – всё все уже про тебя знают!

ОН. Иди к своему Джонни, проклятая!

ОНА. Да! Я вижу в толпе моего Джонни! Я распростираю к нему объятья!

ОН. Чего?

ОНА. Распростираю! Дурак ты, Эдик! Джонник, подойди ко мне поближе и обними меня, и поцелуй меня в засос ему назло!

ОН. Ах, так? Джонни, иди лучше ко мне, а?! Посмотри, как я хорошо сохранился, а?! Давай, замутим с тобой, а?! Всю жизнь мечтал о негре!

ОНА. Чего?!

НЕГРИТЯНКА. Не трогай моего Джонни! Не трогайте вы, оба, русские свиньи, моего негритёнка любимого!

ОН. А что? Ты же его отдать рыхлой бабушке была готова, а вот отдать поджарому старичку с мешком денег не хочешь? У нее денег нет, деньги только у меня!

ОНА. У меня тоже есть немножко!

ОН. Друзья мои! Знаете ли вы, что такое Север? Продолжаю доклад о Севере! Когда

утром ты садишься в машину, чтобы поехать на охоту, то ты с друзьями встречаешься за городом, у них к машине прицеп пристроен, на нем две снегохода, и вот мы въезжаем на машине в пойму реки ... А дальше нельзя, дальше снег и только до нашей охотничьей избушки можно на снегоходе доехать. Мы едем, приезжаем, в избушке холод, мы топим печку и вот ...

ОНА. Друзья, не слушайте его! Там бывает тепло у нас в Норильске! Летом мы ходим по грибы и по ягоды! Он довозит нас с Таней до леса, и мы идем, боимся потеряться, правда, но собираем грибы и ягоды ... Там так красиво! Увидишь вот муравейник, встанешь над ним и стоишь: муравьи куда-то лезут, лезут, лезут ...

НЕГРЫ. А мы в детстве жопки муравьев сосали, они кислые.

ОН. Джонни, иди ко мне, мне так хочется того же, что и ей ...

ОНА. А чего тебе хочется?

ОН. Да блин сесть в самолет и улететь куда-нибудь из этого проклятого мороза и холода, улететь навсегда в страну, где вечное лето, вот что ей хочется!

ОНА. Чего тебе хочется, старая развратная корыто? Богодул!

ОН. О, мне хочется горячего тела черного! Попробовать хоть раз в жизни, хоть раз в жизни быть не таким, каким тебя все считают, а совсем-совсем другим!

ОНА. Попробовать перед смертью?

ОН. Я еще поживу!

ОНА. Нет, это я сбегу от тебя. Сбегу в Эфиопию!

ОН. Ты же собиралась в Аргентину?

ОНА. Да хоть к черту на рога, но сбегу! Мы сядем с ним в лодку и поедем по Амазонке, он будет веслами махать, а я буду лилии собирать ...

ОН. Но тут крокодил вылезет и схватит тебя за жопу!

ОНА. Не схватит!

ОН. Схватит!

ОНА. Мы приплывем в его хижину и там сварим борщ и будем кушать!

ОН. Там десять братьев и сестёр!

ОНА. Я всех накормлю!

Толпа кричит:

ВСЕ. Она всех накормит! Русские не сдаются! Раша бай-бай, гуд-бай!

Все поют «Славься, ты славься, ты Русь святая!», а потом и Гимн России.

Пролетела над толпой, над пластмассовым лежаком чайка, и так закричала сильно, так сильно крикнула, что даже какнула на голову негра. Тихо стало.

ОНА. Ой!

ОН. Что?

ОНА. Я ведь забыла Тане сказать, чтобы она не сильно поливала «декабриста», который стоит в горшке на кухне. Он не любит много воды ...

ОН. Она вчера прислала мне фотографию декабриста в ватсап. Цветок. Расцвел. Красный. На окне стоит цветок, а за окном сугробы. Она написала, что декабрист расцвел. У нас там декабрь и декабрист зацвел.

Молчание.

ОНА. Что?

ОН. Цветет красными цветами. Мы еще смотрели с тобой вчера фотографию и радовались.

Молчание.

ОНА. Ой. Эдик? Ты кричал?

ОН. А?

ОНА. Кричал кто-то?

ОН. Это чайки над нами летают и кричат.

ОНА. Почему они летают тут?

ОН. Потому что они думают, что мы трупы и что мы разлагаемся и что нас уже можно скушать.

ОНА. Не надо так. Чайка – это красивый русский образ. Я преподаю литературу детям народов Севера, и я знаю, что ...

ОН. Странно, Люся, вспоминать всё на море, да? Ты помнишь всё? Помнишь наш дом?

ОНА. Помню.

ОН. Я уснул, что ли?

ОНА. Ой, Эдик.

ОН. Что?

ОНА. Пошли в номер.

ОН. А что?

ОНА. А то сгорим.

ОН. Загорать нам надо.

ОНА. Зачем?

ОН. Чтобы потом всем показать там на Севере. Что мы загорели. Что мы отдохнули. Что нам хорошо.

ОНА. С каких это пор тебе стало интересоваться, что про тебя люди скажут?

ОН. Мне всегда интересно это было.

ОНА. А кому ты собрался загар показывать? Некому. Помазать тебя кремом?

ОН. Помажь.

Она наливает из бутылки крем, мажет ему спину.

ОНА. Ты не пил сегодня, Эдик?

ОН. Люся, я не пью уже десять лет. С чего ты взяла, что я тут начну пить?

ОНА. Ну, тут ведь на халяву. Ты не богодул?

ОН. Отстань с глупостями. Я привык трудиться всю жизнь и зарабатывать себе на хлеб. Я не богодул, и ты это знаешь.

ОНА. Но мы же тут заплатили за все за это, за этот инклюзив. Мне показалось, что ты выпил? Нет?

ОН. Хватит тебе.

ОНА. Там кто загорает? Разговаривают и шипят что-то?

ОН. Поляки.

ОНА. Да? А там вон немцы, кажется.

ОН. Да. Мы между поляками и немцами загораем. Затесались. Как на карте страны.

ОНА. А там люди черные, что ли?

ОН. Это негры. Афроамериканцы.

ОНА. Им-то вот зачем загорать?

ОН. Не знаю.

ОНА. Ты не был в Аргентине никогда?

ОН. Чего?

ОНА. И не знаешь ничего про такую речку Амазонку?

ОН. Люся, я первый раз за границей. И то в Турции. Это можно сказать несчитово. А что? Почему ты спрашиваешь?

ОНА. Так.

ОН. А у тебя нет знакомых негров?

ОНА. Чего?

ОН. Того.

ОНА. Откуда негры в Норильске?

ОН. А-а.

ОНА. Лучше тебе стало, как намазала спину? Не горит?

ОН. Не горит. Я стану первым негром в Норильске. А ты никого не знаешь по имени Джонни?

ОНА. Нет. А у тебя нет друзей немцев или поляков?

ОН. Откуда?

ОНА. И ты не знаешь негров?

ОН. Нет. Откуда? Джонни. Какое-то имя из фильмов. Какое-то имя негритянское.

ОНА. А что такое – штрибан? Ты не знаешь?

ОН. Чего? Какой штрибан? Что ты мелешь?

Он сел, оглядывается.

А где все? Вроде, народ был на пляже?

ОНА. В бассейне сидят у гостиницы. Это только мы, два идиота, пришли к морю. Никто не купается.

ОН. Потому что есть три вида погоды: плюс 25, плюс 20 и – русские купаются.

ОНА. Мы одни тут. Пустой пляж.

ОН. Только что ведь кто-то был?

ОНА. Кто?

ОН. Или никого не было?

ОНА. Были, вроде.

ОН. Приснилось?

ОНА. И мне? Знаешь, что я хочу тебя спросить?

ОН. Ты про измены?

ОНА. Про какие?

ОН. Нет, я так сказал.

ОНА. А, нет, я про другое. Вот мы тут сколько дней?

ОН. Второй день пошел.

ОНА. Ужас. Еще 12 дней. Я что-то так по дому соскучилась.

ОН. Там холодно.

ОНА. И что? Надо было взять путевку в санаторий в какой-то в лесу. Сейчас бы сидели в комнате и смотрели бы на улицу. В комнате было бы тепло, а за окном снег, елки в снегу. А мы бы сидели и радовались. В камин огонь, мы бы грелись.

ОН. И тут радуемся.

ОНА. Позвонить домой? Как там они, бедные, без нас? Я расческу дома забыла. А значит – мы вернемся, да?

ОН. А куда мы денемся. Я очки забыл дома.

ОНА. Значит, вернемся, сто процентов. Надо купить расческу и очки. Там магазинчик есть в гостинице. Ну, полежал? Пошли в номер, посмотрим телевизор. Там, вроде, есть канал Россия?

ОН. Россия-24. Тут, вроде, пять каналов наших есть.

ОНА. О, хорошо.

ОН. Да, слава Богу. Закроемся, ляжем на кровати и посмотрим наш телевизор.

ОНА. А они там тоже дома телевизор смотрят, наверное, а? Те же передачи.

ОН. И мы будто дома. Всей семьей сидим как будто и телевизор смотрим.

ОНА. Да – мы будто вместе. Смотрим одни и те же передачи.

ОН. Пошли.

Встают, собирают вещи в сумки, одеваются.

Ничего не забыла?

ОНА. Нет. Кольцо вот нашла на песке. Надо же. Кто-то потерял. Не брать?

ОН. А это хорошая примета?

ОНА. Погуглить надо в интернете.

ОН. И без интернета знаю: выйдешь замуж скоро. Или любовник у тебя появится.

ОНА. Дурак какой. Ерунду молотит вот. Ты меня любишь?

ОН. Конечно, люблю.

ОНА. Я же старая.

ОН. Брось. Для меня молодая. А ты меня любишь?

ОНА. Ну, что ты спрашиваешь? Конечно, люблю. Будто не знаешь.

Идут по берегу моря, взявшись за руки.

**Темнота
Занавес
Конец.**

Екатеринбург, 3 декабря 2020 года